
Татуировка

Ло Хуай медленно поднял голову. Прядь черных волос упала на лоб, и без того мрачная тень в глубине его глаз стала еще тяжелее.

Услышав слова собеседника, он не разгневался, а лишь горько усмехнулся. Едва на губах промелькнула язвительная тень, правитель разжал пальцы: длинный нож скользнул вниз, но он тут же перехватил его обратным хватом и нанес молниеносный удар прямо в грудь юноши.

Движение было безупречным — четким и выверенным.

В этот миг Ло Хуай сам напоминал лезвие — тонкое, обманчиво хрупкое, но несущее с собой лишь запах крови и яростный шторм.

Чу Сюнь лишь усмехнулся. Изогнувшись, он повалился на поверхность стола, уходя от удара, и негромко вздохнул:

— Ну прямо отличник.

Он совершенно беззаботно растянулся на массивном столе из черного дерева. Рубашка, небрежно заправленная в брюки, задралась от его движений, обнажая полоску мертвенно-бледной кожи.

Лампы мягкого света, установленные на потолке специально для чтения, теперь заливали сиянием самого Чу Сюня. Блики играли в его серебристо-синих глазах, заставляя даже заурядную маску на лице казаться живой и выразительной.

В черных, как грозовое небо, зрачках молодого господина на мгновение вспыхнул странный, неописуемый блеск. Его рука, сжимавшая нож, едва заметно дрогнула.

Он замер, глядя сверху вниз на лежащего перед ним человека, словно искушенный коллекционер, оценивающий за стеклом витрины редчайший и баснословно дорогой самоцвет.

— Сейчас я тебя по-настоящему ненавижу, — голос правителя звучал пугающе спокойно, так же, как когда он предлагал Адамсу рулетку. В нем не было ни гнева, ни спешки. — Ты слишком сильно на него похож.

С этими словами его взгляд окончательно оледенел, наполнившись жадой крови.

Ло Хуай нанес рубящий удар сверху вниз. Носитель, однако, не спешил уклоняться. Он лишь взглянул на него — прямо, без тени былой усмешки — и резко перехватил запястье мужчины. Острие клинка замерло ровно в дюйме над его межбровьем, не в силах продвинуться дальше.

Пальцы юноши, длинные и изящные, сковали руку Ло Хуая крепче любых стальных цепей. Смерть была совсем рядом, но тот не мог дотянуться до неё.

Они замерли в невидимой борьбе. Нож в руке правителя едва заметно сместился, и по лбу Чу Сюня протянулась тонкая, едва различимая кровавая нить. Капля крови, словно рябь на воде, придала его взгляду некое странное, почти колдовское очарование.

Чу Сюнь прищурился.

Он позволил клинку оцарапать себя лишь потому, что намеренно ослабил хватку. Ло Хуай так отчаянно жаждал его смерти, что не выпускал оружия, даже когда кости его собственного запястья начали угрожающе поскрипывать... Чу Сюню вовсе не хотелось калечить его руку.

Заметив, как по лбу официанта медленно просачивается капля крови, Ло Хуай помрачнел.

Он вдруг понял: с этой раной что-то не так.

Кровь просачивалась сквозь кожу странно, словно преодолевая некий барьер. Тон лица Чу Сюня при ярком свете ламп казался безупречным, но в нем проступало нечто неуловимо фальшивое, не соответствующее его истинной сути.

Ло Хуай инстинктивно ослабил нажим.

Желание убивать внезапно сменилось другой, почти безумной надеждой. Он потянулся к лицу юноши, желая сорвать маску и наконец увидеть, кто же скрывается под ней на самом деле.

Но Чу Сюнь вновь перехватил его руку.

Легко удерживая ладонь Ло Хуая, он небрежно поднялся со стола и лениво улыбнулся.

В этой улыбке промелькнуло нечто озорное. На мгновение показались острые кончики клыков, а темные ресницы дрогнули, обнажая пленительные глаза, напоминающие лепестки персика, в самой глубине которых, казалось, были спрятаны невидимые крючья.

— Это против правил, босс. Вы еще не заплатили за мое содержание, так что трогать лицо

запрещено.

Чу Сюнь насмешливо подмигнул ему и, отпустив его руку, ловко вытянул из-за пояса правителя второй, припрятанный короткий изогнутый клинок. Одним ленивым движением он отразил атаку двух наемников, попытавшихся напасть со спины.

Такая близость, которую Ло Хуай допустил сегодня, в любой другой день привела бы его в неопишемую ярость. Еще мгновение назад он сам мечтал искромсать этого человека и бросить на корм крокодилам.

Однако сейчас он не стал обращать внимания на то, что у него стащили оружие. Молодой господин молча отступил.

Сохраняя ледяную маску, он развернулся и бросил на юношу, с легкостью справлявшегося с врагами, долгий, многозначительный взгляд.

В глубине его черных глаз бушевал вихрь противоречивых чувств. Он наблюдал за тем, как Чу Сюнь лишь обороняется, не нанося ответных ударов, и хмурился, пока наконец не заставил себя отвернуться.

Похоже, все предатели и убийцы, жаждавшие его головы, наконец собрались в этом зале.

Ло Хуай, однако, выглядел почти довольным. На его губах вдруг промелькнула странная, непонятная улыбка.

Он хладнокровно справился с теми, кто преграждал ему путь, подошел к одному из углов комнаты и нажал на скрытый под обоями переключатель.

В ту же секунду заслонки вентиляции на потолке пришли в движение. Из щелей бесшумно повалил густой молочно-белый туман. Люди в зале не успели даже закрыть рты и носы — один за другим они рушились на пол.

Это был галлюциноген типа SPII. Обычно его использовали только при допросах или во время спецопераций. В чистом виде он был почти прозрачным, но сейчас комната заполнялась туманом такой плотности, что он казался густым, как парное молоко.

Среди нападавших не было дилетантов; их сопротивляемость препаратам была крайне высока, но даже они не смогли устоять против этой убойной дозы. Даже Айдела, не успев сообразить, что происходит, погрузилась в глубокий сон вместе с остальными.

Правитель заранее просчитал этот исход. И всё же реальность преподнесла ему сюрприз.

Чу Сюнь остался на ногах. Словно так и должно было быть, он спокойно обернулся и, негромко вздохнув, посмотрел на Ло Хуая, прислонившегося к стене.

Для СПИ не существовало антидота — организму оставалось лишь бороться самостоятельно. Лицо Ло Хуая, и без того бледное, стало почти прозрачным, словно он вот-вот мог раствориться в воздухе. Но для него подобная доза препарата не была помехой — он слишком привык к ней.

Они смотрели друг на друга сквозь пелену тумана. Лица расплывались, оставляя лишь неясные силуэты. Почему-то эта сцена пугающе напоминала утро восьмилетней давности, когда Ло Хуай так же прошел сквозь туман и упал в объятия Чу Сюня.

Еще мгновение назад здесь пахло смертью, а теперь воцарилась странная, почти мистическая тишина.

— Кажется, я и впрямь стою дорожке всех этих бедолаг, верно? — небрежно усмехнулся Чу Сюнь.

Ло Хуай молчал. Его пальцы на рукояти ножа то сжимались, то разжимались. Наконец он заговорил — его низкий, глухой голос, казалось, был пропитан самой ночью:

— Это ты?

— ...Скажи мне, кто ты такой на самом деле.

Мужчина стиснул зубы; голос его заметно дрожал.

Прекрасные глаза, невероятное мастерство, безупречная маскировка и этот вечно безмятежный тон... Он задавал этот вопрос много раз, и каждый раз — одному и тому же человеку.

Он был готов поверить в любое безумие, даже в воскрешение мертвых, лишь бы еще раз услышать утвердительный ответ. Пусть даже это будет лишь жалкая иллюзия.

Носитель промолчал.

Он лишь медленно сделал два шага вперед, пока не оказался вплотную к Ло Хуаю.

Расстояние между ними стало опасным — идеальным как для поцелуя, так и для удара в сердце.

Но правитель, о котором ходили слухи, что он не выносит чужих прикосновений, сейчас

покорно терпел его близость.

Он даже не смел поднять глаз. Ло Хуай молча спрятал свой исхудавший подбородок в высокий воротник, и в этом жесте сквозила молчаливая, почти осязаемая надежда.

Несмотря на то, что у нынешнего Ло Хуая было всё, Чу Сюню он почему-то напомнил несчастного бродячего кота.

Юноша вспомнил осторожное предупреждение, которое дала Система 059, и негромко произнес:

— Босс, вам не стоит задавать такие вопросы. В этом мире многие надежды не имеют смысла, и именно поэтому они страшнее любого отчаяния.

Чу Сюнь проговорил это про себя, словно пытаясь в чем-то убедиться.

«Ему всё равно придется уйти. Нет смысла давать человеку ложную надежду»

«Если Ло Хуай хотя бы немного научится ценить себя, у меня больше не останется причин для беспокойства»

А затем он поднял руку и ласково погладил мужчину по голове — просто в знак утешения.

Это было чисто машинальное движение. Едва коснувшись волос, Чу Сюнь тут же спохватился и хотел отстраниться.

Но Ло Хуай внезапно вскинул голову и, словно утопающий, хватающийся за последнюю соломинку, мертвой хваткой вцепился в его руку.

Сила его была невероятной: костяшки пальцев побелели от напряжения, он едва не впивался в кожу Чу Сюня.

Глаза правителя мгновенно налились кровью, и на фоне мертвенно-бледного лица этот лихорадочный блеск казался пугающим. Только сейчас Чу Сюнь заметил, как пугающе он истощен — словно под дорогой одеждой скрывалась лишь пустая оболочка.

Чу Сюнь молча смотрел на него, но тот так ничего и не сделал.

Он лишь плотно сжал губы и опустил глаза, стараясь выглядеть покорным. Мужчина

доверчиво приподнял голову, подставляя лицо под ладонь юноши.

Казалось, этого малого ему было вполне достаточно.

Кошки ведут себя так же: они не подпускают к себе никого, но, встретив того, кого любят, сами тянутся навстречу, открывая доступ к своей запретной территории.

Чу Сюнь ощутил холод его кожи, и на сердце стало непривычно тяжело.

Он вздохнул и впервые прямо ответил на незаданный вопрос:

— Вы обознались.

В ту же секунду он почувствовал, как тело Ло Хуая под его рукой мелко вздрогнуло.

Тот негромко отозвался, делая вид, что ему всё равно:

— О.

Наступила тишина. Молчание ледяным дождем пролилось на правителя, насквозь промочив его напускное спокойствие.

Прошло немало времени, прежде чем он вновь обрел свою бесстрастную маску.

— Обознаться — это хорошо, — негромко проговорил он. — Если бы ты действительно был им, я бы переломал тебе все кости и запер в подвале, чтобы мучить день и ночь.

— Я ненавижу его до смерти.

Слова звучали зловеще и свирепо, Ло Хуай буквально выплевывал их сквозь зубы. Но почему-то казалось, что настоящую пытку в этот момент переживает он сам — сердце его разрывалось от боли.

Мужчина не хотел больше смотреть на собеседника и резко отвернулся.

— Я принимаю твое предложение. Называй любую цену и... избавь меня от всех этих крыс.

Он договорил, преодолевая внезапную, свинцовую усталость.

Эмоциональное потрясение доконало его. СПИ, который обычно не действовал на Ло Хуая, стал той самой последней каплей. Он сделал два шага, и мир перед его глазами окончательно поплыл.

На самом деле самым страшным галлюциногеном для него всегда были не химикаты. А Чу Сюнь.

Но на этот раз он не провалился в ледяную бездну. Чья-то рука мягко обхватила его за талию, притягивая в теплые объятия.

Засыпая, он услышал тихий, едва различимый вздох — в нем сквозила бесконечная, невыразимая нежность.

Обида и горечь захлестнули Ло Хуая, и он крепко вцепился в одежду юноши, не желая отпускать.

От этого резкого движения рукав его безупречного пиджака задрался, и Чу Сюнь увидел на его предплечье множество шрамов — старых и свежих, багровых и уже побледневших.

Носитель замер. Кончиками пальцев он осторожно отодвинул ткань.

То, что он увидел, нельзя было назвать просто ранами. Это были аккуратные, намеренно нанесенные рубцы.

Штрих за штрихом, они складывались в инициалы имени Чу Сюня — словно вечная, незаживающая татуировка.

Точь-в-точь как много лет назад, когда Чу Сюнь в шутку оставил на его руке свою метку.

В этот миг юноша понял: он вовсе не просто оставил когда-то прирученного бродячего кота. Похоже, задолго до своего ухода он навсегда приручил Ло Хуая, сделав его своим.

<http://bllate.org/book/15843/1435202>